УДК 979(470.34)+281.938+9с

АНТИЦЕРКОВНАЯ КАМПАНИЯ В ЧУВАШСКО-ЧЕБОКСАРСКОЙ ЕПАРХИИ РУБЕЖА 50–60-х гг. XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБЛОЖЕНИЯ НАЛОГАМИ АРХИЕПИСКОПА МАНУИЛА (ЛЕМЕШЕВСКОГО)

Подмарицын Алексей Геннадьевич,
Самарский
государственный университет,
кафедра российской истории,
докторант,
Самарская митрополия РПЦ,
заведующий епархиальным архивом,
кандидат исторических наук,
г. Самара, Россия.
E-mail: algepod@yandex.ru

Аннотация
В статье рассмотрена попытка советских чиновников оклеветать и незаконно обложить налогом архиепископа Чебоксарского и Чувашского Мануила (Лемешевского) в начале 1960-х гг. Поэтапно проанализированы действия православного иерарха, имевшие целью пресечь публичную клевету советской прессы и доказать свою непричастность к вымышленной финансовой афере.

Ключевые понятия:
Русская православная церковь (РПЦ), духовенство и приходы РПЦ, советская пресса, налоговые органы.

Среди исторических исследований, осуществляемых в последние три десятилетия, неизменно присутствуют публикации о месте Русской православной церкви (РПЦ) в советском обществе. От выявления общих тенденций историки закономерно переходят к анализу событийной канвы не только в центре, но и в регионах, раскрывая механизм практического осуществления идеологических установок советского государства в отношении РПЦ. Недавно обнаруженное в Самарском епархиальном архиве «Дело об обложении незаконным налогом митрополита Мануила (по Чебоксарской епархии)» датируется 1957–62 гг. Это дело интересно для историка в качестве характерного эпизода хрущевской антицерковной реакции, отразившего многогранность самого процесса. Сохранившийся блок документов в хронологической последовательности раскрывает конкретные методы региональных советских чиновников по созданию негативного и нетерпимого мнения советских граждан в отношении православного духовенства и православной церкви в целом. Цель данной публикации – поэтапно рассмотреть ход обвинений со стороны финансовых органов митрополита Мануила якобы в укрывательстве от налогового обложения доходов и ответные действия последнего с целью опровержения клеветы. Кроме того, видится практическая необходимость изучения исторического опыта взаимоотношений церкви и государства для современного общества.

Осенью 1958 г. началось очередное, хрущевское наступление на РПЦ. Негласным образом, через местных уполномоченных Совета по делам РПЦ при СМ СССР (СДРПЦ), партократы пытались организовать показательные отречения от сана и религии священников, желательно – образованных. Подгоняя реальность под свои измышления, совпартчиновники нуждались и в показательных процессах над духовенством, на которое переносились известные ещё по 20-м годам стандартные штампы.

Председатель СДРПЦ В. Куроедов, в отличие от своего предшественника, Г. Карпова, был склонен решать вопросы по максимуму. Понимая, что поставить православную церковь под тотальный контроль можно двумя путями – через разрушение иерархических основ и полный контроль за ежедневной деятельностью, советом был подготовлен Архиерейский собор 1961 г., на котором были изменено положение об управлении РПЦ.

Настоятель перестал быть председателем церковного совета, был выведен из числа двадцатки и не имел права занимать какую-либо выборную должность и быть членом органов приходского управления. Это коснулось и других членов причта – все они становились лицами, нанятыми церковным советом для

совершения богослужений, не более. Власть в приходе оказалась распыленной и децентрализованной. Финансовыми делами ведал мирянин – председатель церковного совета, хранивший приходскую печать и имевший право подписи на финансовых документах. Как правило, в больших городских приходах существовали счетовод-казначей и кассир (в деревенских – только казначей), соответственно занимавшиеся учетом сумм и собственно кассовыми делами. Возросла роль ревизионной комиссии как естественного противовеса духовенству и нового распорядителя в приходе с целью недопущения вмешательства священнослужителей в дела управления и финансовые вопросы. Для государства открылась лазейка в виде назначения через уполномоченного угодных лиц, проводивших советскую антицерковную политику в приходах. В финансовой сфере это выразилось в откачке в так называемый «советский фонд мира» практически всей реальной доходной части приходского бюджета. Это сопровождалось жестким контролем за сдачей наличных сумм в госбанк и сберкассы. Специально запрещалось поддерживать опрятность зданий церквей под предлогом недопущения «излишеств» в архитектуре. Уменьшались и средства, отчисляемые через епархиальные управления на общецерковные нужды (реставрацию общецерковных памятников, находящихся на церковном балансе, издание периодики, устройство мастерских по централизованному производству церковной утвари и т.д.). Несколько позже появилась новая государственная структура для откачки церковных средств в виде Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Летом 1961 г. местным исполкомам было разрешено осуществлять финансовый контроль за религиозными общинами, и первыми воспользовались ситуацией местные налоговики. И раньше, бывало, сотрудники районных и городских финансовых отделов при исполкомах (рай-горфо) стремились повысить доходную часть за счёт священнослужителей, облагая последних по завышенным или фиктивным ставкам.

Именно так и случилось с митрополитом Мануилом (Лемешевским). До марта 1960 г. он служил на Чувашской архиерейской кафедре, затем его перевели на Куйбышевскую [1, с. 120]. В октябре 1961 г. в Куйбышев архиерею была прислана вырезка из республиканской молодежной газеты «Молодой коммунист» от 13 октября. В статье «Кормушка «святых» отцов» старший инспектор госдоходов Министерства финансов (минфина) Чувашской АССР Е. Горбунов обвинил архиепископа Мануила в присвоении наличными деньгами 55 тысяч руб., якобы взятых из кассы церкви г. Алатыря. Тон статьи характеризует лексику идеологических чиновников того времени: «на протяжении многих столетий святоши в черных сутанах (?!) тормозили прогресс, жгли на кострах передовых мыслителей», «загребать», «служители культа переродились в тунеядцев», «отхватывал приличный куш», «подчищены под метелку», «запустил в кассу свою лапу», «рассовал по своим карманам», «с набитыми карманами» [3, л. 1а].

В статье указывался подобный, с точки зрения автора, пример с архиепископом Казанским Иовом (Кресовичем). Он в 1961 г. был обвинен в присвоении бюджетных сумм епархиального управления, на него было заведено уголовное дело, последовал суд. Суть сфабрикованного дела заключалась в следующем. Суммы были затрачены архиепископом Иовом на ремонт и восстановление церквей и благотворительность. Первое к началу 1960-х гг. уже было запрещено делать. Благотворительность, в данном случае – пенсии репрессированным клирикам и немощным членам их семей, советское государство не платило и особой инструкцией запрещало это делать пенсионному фонду Московской Патриархии [2, л. 138], были отнесены к личным расходам архиепископа. По невозможности возвратить эти деньги, проходившие по епархиальной бухгалтерии как представительские, последний был приговорен к тюремному заключению.

27 октября 1961 г. Чебоксарский городской финансовый отдел прислал митрополиту Мануилу извещение на уплату подоходного налога в 32 552 рубля 80 копеек (3255 рублей 28 коп. в дензнаках 1961 г.) [3, л. 1]. К извещению было приложено отношение министерства Чувашской АССР от 24 октября 1961 г. Чебоксарскому горфинотделу. В последнем говорилось о том, что митрополит «...в 1959 г. взял из алатырской церкви денег в сумме 55.480 руб. (в старом масштабе цен) и эта сумма в состав облагаемого подоходным налогом не была включена» [3, л. 2].

Для выяснения обстоятельств и оснований дополнительного обложения подоходным налогом в г. Чебоксары был направлен в ноябре 1961 г. секретарь Куйбышевского епархиального управления А.А. Савин. Последнему удалось установить, что основанием для обложения послужила копия частного письма бывшего настоятеля церкви города Алатыря прот. Д.Ф. Степанова на имя нового настоятеля этой церкви прот. Каменского (инициалы неизвестны). Из письма усматривалось, что архиерей якобы взял из этой церкви остатки причтового дохода в сумме 55.480 руб. и за них перед ним не отчитался, а за требование отчитаться в этих деньгах, архиепископ лишил его права ношения митры на 3 месяца. И вот на основании слова «взял» Чувашское министерство финансов и обложило митро-

полита Мануила подоходным налогом (возведен в сан митрополита в феврале 1962 г.).

Историю с митрой раскрывают сохранившиеся среди бумаг преосвященного Мануила черновики его двух писем протоиерею Димитрию Степанову от 17 октября 1957 г. и 31 августа 1958 г. Документы исчерпывающе характеризуют обоих участников дела (настоятеля и архиерея), и приводятся в изложении. «Ваше письмо свидетельствует определению об уничижении Вами епархиального архиерея и более чем неделикатном отношении к нему. Советую Вам ознакомится с содержанием и толкованием 55 апостольского правила о досаждении епископу. Тогда Вы поймете, как были Вы близоруки в Ваших оскорбительных суждениях о своем епархиальном архиерее. В предупреждении дальнейших выпадов по адресу своего архиерея лишаю Вас права ношения митры сроком на три месяца, считая со дня получения настоящего моего предписания» [4, с. 40]. На этом переписка с вольно ведущим себя протоиереем не закончилась.

31 августа 1958 г. владыка писал протоиерею Д. Степанову: «Спасибо Вам большое за Ваше весьма «любезное» письмо о ненужности моей поездки в Алатырь для рукоположения во диакона. Конечно, располагать своими поездками в Алатырь буду я, а никто другой [...] Свои поездки я буду согласовывать со своими делами и нуждами души и лично Вас извещать о приезде не буду, машины соборной Победы вызывать не буду на вокзал, и на содержание церкви становиться не буду. И так как я своими приездами тревожу ваш покой и нарушаю распорядок Вашего дня, то предлагаю Вам меня на вокзале, ни в церкви не встречать и со мною в службах не соучаствовать. Приезжать буду не к Вам, а к преп. Вассиану [местночтимый святой – А.П.] и по его милости проживу в Алатыре столько, сколько душа моя мне позволит...» [4, с. 40–41].

2 ноября митрополитом была подана жалоба министру финансов Чувашской АССР, в которой указывалось, что он никаких наличных денег от алатырской церкви не получал и дополнительно подоходным налогом обложен неправильно. К жалобе приложена была справка Чебоксарского епархиального управления о том, что указанная сумма была перечислена и поступила в 1958 г., а не в 1959 г. на расчетный счет Чебоксарского епархиального управления.

К жалобе были приложены письменные объяснения бывших членов исполнительного органа алатырской церкви – старосты Г.В. Слюняева, бухгалтера И.Е. Илюшкина, казначея Я.Ф. Тихонова о том, что архиепископ Мануил никогда наличных денег не получал, и что данная сумма была перечислена на расчетный счет Чебоксарского епархиального управления через госбанк. Протоиерей Д. Степанов 1 ноября 1961 г. дал письменное объяснение аналогичного содержания [3, л. 4].

Однако 25 декабря 1961 г. минфин Чувашской АССР, на основании имеющихся в деле документов, якобы подтверждающих факт получения денег, снова предложил заплатить дополнительный налог. Кроме того, сообщалось, что алатырская церковь в июле 1959 года перевела на имя архиерея 2258 рублей и что митрополиту надлежит заплатить в дополнение к сумме 3255 руб. 28 коп. ещё 159 руб. 75 коп [3, л. 5].

Митрополит указывал, что он не смог ехать в Чебоксары с тремя пересадками ввиду преклонных лет (шел 79-й год) и снова доказывать свою невиновность. Для ознакомления с делом им был послан юрист, но дело юристу не показали. На основании свидетельских показаний удалось установить следующие факты.

23 декабря 1961 г. автор статьи в «Комсомольце Чувашии», по роду занятий – старший инспектор Минфина Чувашской АССР Е. Горбунов, выезжал в Алатырь для произведения допроса бывшего настоятеля тамошней церкви прот. Д. Степанова. По итогу допроса прот. Степанова на его квартире чиновником Горбуновым был составлен акт. В нем допрашиваемый якобы подтвердил получение архиереем 55.480 рублей и лишение настоятеля права ношения митры на 3 месяца за требование им от архиепископа отчета о расходовании означенной суммы.

Именно этот акт и послужил основанием для повторного требования дополнительного налога. 19 января 1962 г. протоиерей Д. Степанов собственноручно написал справку, проливающую свет на технологию составления Горбуновым акта и опровергающую в целом документ. В справке о. Степанов указывает, что «...55.480 руб. были перечислены в 1958 г. на счет Чебоксарского епархиального управления и, что ссылка в его письме прот. Каменскому на то, что [архиерей – А.П.] «взял» эту сумму денег, следует понимать не в смысле того: «Что он лично взял, а эта сумма была перечислена в 1958 г. алатырской церковью согласно бухгалтерских документов на счет Чебоксарского епархиального управления» [3, л. 9].

Оказалось, что во время допроса прот. Д.Степанова работник Минфина Чувашской АССР Е. Горбунов дважды составлял акт. Первый акт Степанов отказался подписывать. «После прочтения Горбуновым второго акта Степанов опять заметил, что и в этом акте допущены неточности, на что Горбунов ответил: «это не имеет значения», и Степанов подписал акт, не читав его сам лично» [3, л. 9].

И снова 19 января 1962 г., как и в объяснении от 1 ноября предыдущего года, прот. Степанов утверждает, что под словом «взял»

он имел в виду не то, что архиерей получил деньги наличными, а что эта сумма была перечислена на счет епархиального управления. Далее о. Степанов указывает, что: «в церковном мире, где архиерей являлся в то время распорядителем кредитов церквей епархии, принято говорить: Архиерей взял с церкви столько то взносов, столько то в пенсионный фонд и т.п., но это не значит, что он берет их лично» [3, л. 10].

Преосвященный Мануил заключает, что все «это свидетельствует о том, что проверка была произведена не объективно, и ее нельзя было поручить тов. Горбунову, который выступил в печати со статьей, в которой он утверждал, что я взял от алатырской церкви 55000 руб., и более чем кто либо другой, заинтересован во чтобы-то ни стало доказать мою виновность» [3, л. 10]. Используя копии бухгалтерских документов Чебоксарского епархиального управления, предоставленных своим преемником на Чувашской кафедре, епископом Николаем, Владыка Мануил доказывал несостоятельность утверждения о получении лично им значительной наличной суммы денег. Специально преосвященный объяснял получение им от алатырской церкви суммы в 2250 рублей. Каковая «...действительно была [им – А.П.] получена от алатырской. церкви и была в свое время израсходована на приобретение для алатырской церкви предметов церковного обихода – дикирии и трикирии. Эти предметы были переданы алатырской церкви и поставлены ею на приход». И начисление ещё одного дополнительного налога в 159 рублей 75 копеек митрополит также считает неправильным. «Вопрос об обложении меня подоходным налогом за эти 2250 руб. проверялся ранее Чебоксарским горфинотделом. По этому вопросу мною были даны подробные объяснения, на основании которых был сделан вывод о том, что я этих денег в свою собственность не обращал, а поэтому с этой суммы не должен облагаться подоходным налогом» [3, л. 11].

24 января 1962 г. преосвященным была подана жалоба министру финансов РСФСР с приложением нотариально заверенных свидетельств бывших настоятеля алатырской церкви, председателя церковного совета, бухгалтера, а также справки Чебоксарского епархиального управления в том, что сумма 55.480 рублей поступила на счет указанного управления ещё в 1958 г. путем перечисления через банк.

Минфин РСФСР дважды возвращал дело на пересмотр Минфину Чувашской АССР, который занимался проволочками. На первое заявление о пересмотре дела чебоксарские чиновники не отвечали более двух месяцев. Когда же 4 мая 1962 г. Минфином РСФСР было дано указание произвести перерасчет, то ничего не делалось до конца июня 1962 г.

Как указывалось в заявлении митрополита Мануила, «...я ходатайствую о снятии с меня этого налога 8 месяцев. Настоящим заявлением прошу разобрать мое дело и внести ясность. Работники Министерства финансов Чувашской АССР оклеветали меня в печати в воровстве 55.480 руб. и мало того, преднамеренно всячески затягивают сроки разбора моих жалоб и указаний Министерства финансов РСФСР» [3, л. 16].

В заключении, составленном при непосредственной помощи юриста, указано на преднамеренные «ошибки» и подтасовки со стороны финработников. Несуразности заключаются в полном отсутствии свидетелей и документов, подтверждающих изъятие огромной суммы наличностью из церковной кассы сравнительно небольшого городского поселения. Справедливо отмечает неизвестный помощник митрополита Мануила: «...ведь Министерство финансов Чувашской АССР могло проверить документы алатырской церкви, ведь дело идет об остатках причтового дохода, а в церкви г. Алатыря вся плата за требы идет через кассу. Там этих доказательств нет, да и 55 тыс. в кассе алатырской церкви наличных никогда не было, т.к. деньги после выручки сдаются на расчетный счет. Справка же Чебоксарского епархиального управления также со всей ясностью показывает, что эта сумма поступила в 1958 г. через госбанк» [3, л. 16].

Начавшаяся в конце 1950-х гг. хрущевская антицерковная реакция подразумевала несколько целей как прагматического, так и идеологического характера.

Для тотального контроля над ежегодно возраставшими доходами РПЦ требовалось устранить от управления финансовой частью приходской жизни духовенство (осуществлено через запрет клирикам с 1961 г. занимать выборные должности в приходе); создать жесткую систему контроля за оборотом средств и сдачей наличности в госбанк (внедрение внешних, зачастую не церковных людей на должности бухгалтеров, казначеев, подотчетных и зависящих от местной районной советской власти и финорганов); сделать несамостоятельными в финансово-распорядительном и финансово-контрольном отношениях приходские органы (светского старосту, бухгалтера, ревизионную комиссию).

Для ужесточения идеологического контроля необходимо было: минимализировать влияние духовенства вне храма (запрещение совершать все требы, кроме исповеди/причащения и соборования); дискредитировать духовенство, включая архиереев, в глазах верующих и советских людей вообще (клеветнические газетные кампании, попытки провести массовые кампании ренегатов-отказников, в первую очередь – из членов клира; громкие разоблачения финансовых

афер церковников и проч.); убедить людей в «отсталости» и «неграмотности» духовенства; силовыми методами воспрепятствовать процессу восполнения духовенства.

Неизвестный доселе источник – дело об обложении митрополита Мануила незаконным налогом по Чебоксарской епархии – позволяет увидеть в действии советские технологии, направленные против РПЦ и духовенства в период хрущевской реакции. История с оклеветанием советскими чиновниками митрополита Мануила (Лемешевского) и попыткой его дискредитации служит еще одним доказательством бесплодности пропагандистской кампании, имевшей своею целью создание негативного общественного отношения к духовенству и верующим РПЦ на рубеже 50–60-х гг. XX века.

1. Подмарицын, А.Г. Ульяновско-Мелекесская епархия при архиепископе Палладии (Шерстенникове)//Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (41). Ч. I. С. 118–121.

2. Подмарицын, А.Г. Церковное пенсионное и денежное обеспечение заштатного, репрессированного духовенства и членов их семей в послевоенный период//Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (45). Ч. I. С. 138–140.

3. Самарский епархиальный архив. Ф. 1. Оп. 1.11. Д. 289.

4. Семенова, А.П. Анализ массива письменных источников Владыки Мануила, хранящихся в фондах [Самарского епархиального церковно-исторического]музея//Шестнадцатые Иоанновские чтения. Материалы научной конференции, посвященной памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского 9 октября 2011 г. Самара, 2012. С. 10–50.

References

1. Podmaritsyn, A.G. Ul'yanovsko-Melekesskaya yeparkhiya pri arkhiyepiskope Palladii (Sherstennikove)//Istoricheskiye, filosofskiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2014. № 3 (41). CH. I. C. 118–121.

2. Podmaritsyn, A.G. Tserkovnoye pensionnoye i denezhnoye obespecheniye zashtatnogo, repressirovannogo dukhovenstva i chlenov ikh semey v poslevoyennyy period//Istoricheskiye, filosofskiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2014. № 7 (45). CH. I. C. 138–140.

3. Samarskiy yeparkhial'nyy arkhiv. F. 1. Op. 1.11. D. 289.

4. Semenova, A.P. Analiz massiva pis'mennykh istochnikov Vladyki Manuila, khranyashchikhsya v fondakh [Samarskogo yeparkhial'nogo tserkovno-istoricheskogo]muzeya//Shestnadtsatyye Ioannovskiye chteniya. Materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati Vysokopreosvyashchenneysheg o Ioanna Mitropolita Sankt-Peterburgskogo i Ladozhskogo 9 oktyabrya 2011 g. Samara, 2012. S. 10–50.

UDC 979(470.34)+281.938+9с

ANTI-RELIGIOUS CAMPAIGN IN THE DIOCESE OF CHUVASHIA AND CHEBOKSARY IN THE 1950s AND 1960s (BY THE EXAMPLE OF ILLEGAL TAXATION OF METROPOLITAN MANUIL (LEMESHEVSKY)

Podmaritsyn Alexei Genandyevich,
Samara State University,
Department of Russian History,
PhD student,
Samara archdiocese of Russian Orthodox Church,
the Head of the Diocesan Archives,
Cand. Sc. (History),
Samara, Russia.
E-mail: algepod@yandex.ru

Annotation
The article describes an attempt of Soviet officials to slander and illegally tax Metropolitan Manuil (Lemeshevsky) at the beginning of the 1960s. The author step-by-step analyzes actions of Orthodox hierarch which were directed to stop public slander of Soviet press and prove that he was innocent to the fictitious financial speculation.

Key concepts:
Russian Orthodox Church (ROC), clergy and parishes of the ROC, Soviet press, tax authorities.